

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Л.П. Репина

**ИДЕЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В РОССИИ:
ОТ КЛАССИКИ К НЕОКЛАССИКЕ**

Препринт WP6/2009/01
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Москва
2009

УДК 930
ББК 63
Р41

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И. М. Савельева

P41 Репина Л. П. **Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике:** Препринт WP6/2009/01. — М.: Изд. дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009. — 40 с.

В работе рассматривается интеллектуальное наследие классика отечественной историографии Т. Н. Грановского и основанной им российской традиции всеобщей истории. Многие идеи Грановского и русской исторической школы приобрели особое звучание сегодня, когда в условиях предельной фрагментации исторического знания «всемирно-историческая точка зрения», столь характерная для «золотого века» российской «науки всеобщей истории», оказалась востребованной сторонниками глобальной и транснациональной истории.

УДК 930
ББК 63

Repina L. The Idea of Universal History in Russia: from Classics to Neo-classics: Working Paper WP6/2009/01. Moscow: State University — Higher School of Economics, 2009. — 40 p. (in Russian).

The paper examines the intellectual heritage of T. N. Granovsky and the Russian tradition of universal history that he had founded. Many ideas of Granovsky and the Russian school of history acquire a new sounding today, when as a consequence of extreme fragmentation of historical knowledge the “world-wide point of view” on history, that was a priority of the Russian “science of universal history” in its “golden age”, proved to be acutely needed and developed by enthusiasts of global and transnational history.

Препринты Государственного университета — Высшей школы экономики размещаются на сайте <http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>

© Репина Л. П., 2009
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2009

Нет науки, более враждебной
всякому догматизму, чем история...

Т. Н. Грановский

Только всеобщая история сообщает
нам знание связи событий...

Н. И. Кареев

Из набора значений, в которых слова «классика», «классик», «классический» могут применяться в исторической науке, в настоящей статье найдут свое место два, важнейшие для интеллектуальной истории в таких ее измерениях, как персонально-биографическое и идейно-парадигмальное. Мы оставим в стороне проблему канонизации авторитетных работ, их вхождения в некий свод канонических исторических текстов (или напротив — их деканонизации), будь то по праву литературно-риторического или в качестве научно-аналитического образца.

Траектория творческой жизни ученого — на разных ее отрезках — возвращает исследователя и вслед за ним читателей к необходимости последовательного сопоставления результатов его деятельности в разных интеллектуальных контекстах, включая предшествующее этой деятельности состояние науки, *современность* — с позиции героя биографии, *актуальность* — с точки зрения самого биографа, а также видение им *перспектив* дальнейшего развития науки. В контексте же изучения интеллектуальных традиций на первый план выходит проблема глубины исторической ретроспективы (как она видится из той точки на темпоральной шкале, которая принимается за настоящее), определения границ находящегося в процессе становления научного направления/области знаний/дисциплины и специфики восприятия предшественников или же целенаправленного поиска «отцов-основателей», «благородных предков» (с солидным «символическим капиталом»), который завершается построением желаемой интеллектуальной генеалогии. Изучая какой-либо период в истории науки (как и при осмыслении ее настоящего), важно знать не только ее текущее состояние, но и как в то время оценивалось то, что было сле-

лано предшественниками, как было ими конфигурировано искомое исследовательское пространство и как выделась их персональная иерархия в динамическом плане¹. Как выразился Рэндалл Коллинз,

«интуитивное понимание того, как следует относиться к области интеллектуальных изысканий, является самой важной единицей культурного капитала, который индивиды получают от своих учителей. Это одна из причин, почему выдающиеся интеллектуалы *связаны цепочками сквозь поколения* (курсив мой. — Л. Р.)»².

Встает, однако, вопрос, можно ли вообще говорить о нестареющей классике в историческом знании, если каждой эпохе в жизни человечества свойствен особый взгляд на историю, если известное выражение «книги имеют свое время» особенно относится к историческим сочинениям?

Между прочим, Хейден Уайт в интервью 1993 г. сказал о своей знаменитой книге: «“Метаистория” устарела». Вполне возможно, это была некая провокация, «интеллектуальное кокетство» с критиками и читателями. Но Ханс Келлнер, прокомментировавший некоторые ответы Уайта, обратил внимание на ключевой момент: «Что значит быть “устаревшим”? Шекспир, или Мишле, или Токвиль — они “устарели”?». И отвечая — «и да, и нет», перевел разговор в иную плоскость — о создании новых контекстов, в которых «эти индивиды не были бы “устаревшими”», в которых они изменились бы таким образом, чтобы удовлетворять новым задачам, отвечать на запросы новой аудитории»³.

Действительно, исторические сочинения, которые могут претендовать на звание классических в этом значении, определяются не

¹ Подробнее об этом см.: Диалог со временем: историки в меняющемся мире / Под ред. Л. П. Репиной. М., 1996; *Репина Л. П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 55–74. В этой связи будет уместно также напомнить: «Глубокое непонимание существа истории кроется за убеждением, что развитие историографии представляет собой своего рода интегральный процесс, в котором что-то раз и навсегда устанавливается и последующие историки возводят новые этажи на уже построенных» (*Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб.; М., 1922. С. 254).

² *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 82.

³ Interview. Hayden White: The Image of Self-Presentation / Ewa Domanska, Hans Kellner, Hayden White // *Diacritics*. 1994. Vol. 24. No. 1. P. 99.

своими в буквальном смысле «монументальными» характеристиками, почетным статусом «памятника исторической мысли», а многократной востребованностью в разных, сменяющих друг друга интеллектуальных контекстах, или своей способностью, показавшись на какое-то (иногда весьма продолжительное) время чем-то *давно пройденным и забытым*, рождать новые смыслы, вновь оказываться у истоков *живой*, пусть часто и новоизобретенной, традиции.

* * *

Говоря о происхождении особого типа историографии — всеобщей истории, качественно отличающегося от повествований об истории отдельных народов, мы попадаем в весьма отдаленную эпоху. Выдающийся отечественный историк М. А. Барг, вслед за Робинсом Коллингвудом⁴, решительно отдавал пальму первенства в создании этого нового типа историографии историкам эллинистической эпохи, прежде всего Полибию (ок. 200 — после 118 г. до н. э.)⁵. Полибий создает свою «Всеобщую историю» в эпоху объединения под римским господством прежде разрозненного эллинистического мира (когда «почти весь известный мир подпал единой власти римлян в течение неполных пятидесяти трех лет» и начиная с этого времени «история становится как бы одним целым»⁶) и именно в связи с осмыслением этой новой реальности выдвигает в качестве первейшего требования к новому канону исторического сочинения то, что история должна носить всеобщий характер, а события излагаться как взаимосвязанные и взаимообусловленные:

«Особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени состоят в следующем: почти все события мира судьба направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели; согласно с этим и нам подобает представить читателям в едином обозрении те пути, которыми судьба осуществила великое дело... История по частям дает лишь очень мало для точного уразумения целого; достигнуть этого

⁴ *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории // *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 35–37.

⁵ Хотя, если следовать Дионисию Галикарнасскому, первая «всеобщая» история была создана Эфором в IV в. до н.э. и охватывала события с 1069/68 г. до 341/40 г. до н.э. (*Барг М. А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987. С. 68).

⁶ *Полибий.* Всеобщая история. I, 1, 5; I, 3, 4.

можно не иначе, как посредством сцепления и сопоставления всех частей, то сходных между собою, то различных, только тогда и возможно узреть целое, а вместе с тем воспользоваться уроками истории и насладиться ею»⁷.

Однако, по мнению Ф. Арьеса, ни в эллинистическом мире, ни даже в Риме не существовало «идеи всеобщей истории, соединяющей все времена и все пространства», тот «важнейший момент», когда «христианизировавшийся латинский мир открыл для себя, что род человеческий имеет взаимосвязанную историю — всеобщую историю», он относит к III в. н. э.⁸ С победой христианства образ *всеобщей* истории получил опору в идее изначального единства рода человеческого, закрепленного самим актом творения, и в жестком каркасе священной истории. Средневековая картина истории человечества (между грехопадением и Страшным судом) обрела внутренний динамизм и подлинно универсальный характер:

«Все люди и все народы вовлечены в осуществление божественных предначертаний, поэтому исторический процесс происходит везде, и всегда его характер один и тот же. Любая часть его — это часть одного и того же целого. Христианин не может удовлетвориться римской историей, древнееврейской историей или любой историей отдельного народа: ему нужна история мира в целом, всеобщая история, темой которой должно быть осуществление божественных предначертаний для человека»⁹.

Рождение идеи всеобщей истории Нового времени связано с именем Джамбаттиста Вико, с прогрессирующей секуляризацией исторического сознания и с «историографической революцией» XVIII в. (термин М. А. Барга), вследствие которой «была впервые открыта возможность включить в поле зрения всемирной истории другие континенты и цивилизации»¹⁰ (при всем ее неискоренимом европоцентризме), в значительной степени — на основе концепции постоянства человеческой природы как неизменной предпосылки единого исторического процесса, по самому своему определению имеющего направление и цель. В историографии романтической школы всеобщая

⁷ Полибий. Всеобщая история. I, 4, 1–11.

⁸ Ariès Ph. Le temps de l'histoire. Paris: Éd. du Seuil, 1986. С. 100.

⁹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. С. 49.

¹⁰ Барг М. А. Эпохи и идеи... С. 330.

история превращается в историю раскрытия способностей и совершенствования человечества.

В классической парадигме всеобщая/всемирная история была, без сомнения, «высоким жанром», в котором на протяжении столетий корифеи историографии стремились реализовать свои самые амбициозные проекты.

В России идея всеобщей истории — довольно позднее приобретение. Само ее распространение было напрямую связано с мучительными поисками ответа на вопрос об исторических судьбах человечества как целого, и России — как его части.

Понятие всеобщей истории в российской интеллектуальной традиции претерпело значительные трансформации в течение последних двух столетий. С самого введения этого термина он имел различные значения. Главные изменения произошли в их соотношении, и динамика этих изменений совпадает с важнейшими моментами в долгом процессе российской модернизации с ее тремя фазами, хронологически маркированными первой половиной XIX столетия, концом XIX — началом XX в., концом 1990-х — началом 2000-х годов. Стоит сразу заметить, что в эти исторические моменты идея всеобщей истории имела особое значение как для российских интеллектуалов, для профессиональной историографии, так и для острых общественных дискуссий о прошлом и будущем России. И здесь необходимо сказать хотя бы несколько слов по поводу контекста и двух противостоящих сторон этой идейной полемики.

Для российской общественно-политической мысли рубежа XVIII–XIX вв. было характерно понимание просвещения как могущественной силы социального преобразования, а тесные культурные и интеллектуальные связи между Россией и Западной Европой оценивались весьма высоко. Но модернизация и европеизация российских элит в течение последней четверти XVIII и первой трети XIX столетия породили последующую негативную реакцию — враждебность как к самой модернизации, так и к западной культуре. Эта тенденция воплотилась в официальной идеологии, а затем в славянофильском интеллектуальном движении. В государственной культурной политике центральное место занимала идея национальной самобытности. В середине 1830-х годов была окончательно сформулирована так называемая теория «официальной народности». Принципы «православия, самодержавия и народности» широко пропагандировались

в учебниках, лекциях, популярных брошюрах. В этой атмосфере философское осмысление исторического пути России (с такими главными темами, как культурные и интеллектуальные связи России и «Запада» и оценка западноевропейского общественно-политического строя) заняло центральное место как в трудах и лекциях ведущих общественных и государственных деятелей, ученых и публицистов, так и в жарких дебатах в столичных литературных салонах.

Понятие всеобщей истории было центральным для так называемой западнической идеологии. В 1840-е годы многие российские ученые, студенты университетов и более широкая образованная публика проявляли огромный интерес к истории западноевропейских стран, которые уже испытали процесс модернизации и формирования современных общественных и политических институтов. Большинство западников были сторонниками конституционной монархии. Они связывали социальные реформы с заимствованием западноевропейских достижений. Веря в «уроки истории», они пытались отобрать наиболее ценные явления западного исторического опыта и применить их к российскому настоящему и будущему. Но историософские концепции большинства оригинальных мыслителей этой ориентации не укладывались в прокрустово ложе довольно схематически обозначенных общих черт западнической идеологии. И в первую очередь это относится к Тимофею Николаевичу Грановскому, который был настоящим лидером западнического интеллектуального движения и главным пропагандистом идеи всеобщей истории в 1840-е и до середины 1850-х годов.

* * *

Т. Н. Грановский родился 9 марта 1813 г. В 1832—1835 гг. он был студентом юридического факультета Петербургского университета, а в 1836—1839 гг. учился в университетах Берлина, Праги и Вены и посещал лекции Леопольда фон Ранке, Фридриха фон Савиньи, Карла Вердера, Карла Риттера, Эдуарда Ганса.

Вернувшись в Россию в 1839 г., Грановский начал читать лекции на кафедре всеобщей истории¹¹, которая была открыта в Московском университете. Очень скоро Грановский занял исключительное место

¹¹ Его первая лекция состоялась 17 сентября 1839 г.

среди преподавателей университета, стал лидером так называемой «молодой профессуры» и московского кружка западников. Социальная активность и острый интерес Грановского к проблемам современности вовсе не противоречили его идеальному образу Истории как науки. Отстаивая научные принципы исторического познания, он был так же твердо убежден в том, что

«История по самому содержанию своему должна более других наук принимать в себя современные идеи. Мы не можем смотреть на прошедшее иначе, как с точки зрения настоящего»¹².

Курсы, которые Грановский читал в университете и в форме публичных лекций, были посвящены прежде всего истории западноевропейского Средневековья¹³, но также истории Древнего Рима, сравнительной истории Англии и Франции, выдающимся историческим личностям и т. д. Незадолго до своей безвременной кончины 4 октября 1855 г. Т. Н. Грановский был избран деканом историко-филологического факультета Московского университета, и ему было поручено Министерством просвещения написать учебник по всеобщей истории. Но у него хватило времени только на две первые главы, в которых он дал яркие характеристики народов и эпох всеобщей истории и очертил главное направление исторического развития¹⁴.

Философское понимание всеобщей истории у Грановского отчасти связано с Гегелем, работами которого он всерьез заинтересовался еще в годы учебы, а позднее в течение всей своей жизни критически переосмысливал ключевые идеи гегелевской философии истории с ее видением конечной цели развития в субъективной свободе человека как индивида и как универсального существа¹⁵.

¹² Грановский Т. Н. Сочинения. Изд. 3-е. В 2 т. М., 1892. Т. 2. С. 211.

¹³ Лекции Т. Н. Грановского по истории Средневековья были изданы посмертно по записям слушателей лишь в 1961 г. См.: Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья (Авторский конспект и записи слушателей) / Предисловие, подготовка текста и примечания С. А. Асиновской. М., 1961; Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья / Сост. С. А. Асиновская. М., 1987 (Серия «Памятники исторической мысли»).

¹⁴ См.: Грановский Т. Н. Учебник всеобщей истории. Введение // Грановский Т. Н. Сочинения. Изд. 3-е. Т. 2. М., 1892.

¹⁵ В 1837 г. Грановский писал (в письме к одному из университетских друзей) о том, что существуют вопросы, на которые ни один человек не в состоянии дать ответ, и Гегель также не решает подобные проблемы, но все то, что ныне доступно человеческому пониманию, и само это знание он прекрасно объясняет (*Григо-*

Но понимание Грановским всеобщей истории не совпадало с гегелевским понятием «Всеобщей Истории» (как первым типом «Рефлексивной Истории»), которая стремится обозреть всю историю какого-либо народа или даже мира и склонна к абстрактным обобщениям. Идея всеобщей истории Грановского имела более широкую перспективу и очевидные соответствия с гегелевским идеалом «Философской Истории» и «Философского Историка», с его задачей и способностью постичь поступательное движение в направлении к конечной свободе и достичь истинного понимания Всеобщего, которое может быть осуществлено только через осознание того, что история является рациональным процессом, управляемым универсальными законами. Как утверждал позднее П. Г. Виноградов, Грановский

«признал, что существует некоторое общее движение в отличие от всех частных, признал, что показателем этого движения служит прогрессивная выработка идей, признал, что каждый шаг вперед отправляется от предшествовавшего, признал, что в жизни народной это равносильно усвоению чужеземной культуры вступающим на смену народом. Практические приложения к России были очевидны. Необходимо было сделать западную цивилизацию своею, чтоб одолеть ее и пойти дальше»¹⁶.

Но это еще не все. Грановский был слишком историком,

«чтобы остаться вполне во власти философа, распорядившегося историческим материалом по своему произволению... Главное, и по натуре, и по подготовке Грановский не мог принести жизненность конкретных фактов в жертву отвлеченному философскому плану. Он видел прошедшее слишком ясно, чтобы не заметить, что оно гораздо богаче содержанием, чем допускала диалектическая схема Гегеля»¹⁷.

Это богатство содержания минувшего создавало трудности, если не в определении предмета всеобщей истории, то в отборе материала, подлежащего изучению, в том числе данных других наук:

рьев В. В. Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. 1856. Кн. 4. С. 12).

¹⁶ Виноградов П. Г. Т. Н. Грановский (Публичная лекция, читанная 11 февраля 1893 года в пользу комитета грамотности) // Русская мысль. Год 14-й. Книга 4. 1893. С. 65. Действительно, признавая эти основные принципы всеобщей истории, Грановский «не мог не быть западником» (Там же).

¹⁷ Указ. соч. С. 52.

«Можно без преувеличения сказать, что нет науки, которая не входила бы своими результатами в состав всеобщей Истории, имеющей передать все видоизменения и влияния, каким подвергалась земная жизнь человечества»¹⁸.

Но при этом всеобщая история не превращается в арифметическую сумму частных, локальных и национальных историй. Принцип отбора материала для всеобщей истории должен был, в соответствии с концепцией Грановского, состоять в вычлениении «общего, существенного» в процессе развития человечества — развития, общего для всех народов.

Профессиональное понимание всеобщей истории у Грановского восходит к концепции Леопольда фон Ранке, который считал, что

*«наука всеобщей истории (здесь и далее курсив мой. — Л. Р.) отличается от специального исследования тем, что, изучая особенное, универсальная история никогда не забывает о целом, которым она занимается. Исследование особенного, даже единичного, ценно, если оно хорошо сделано. Будучи обращено к человеку, оно всегда обнаруживает нечто, что стоит знать. Оно поучительно, даже когда касается мелочей, поскольку человеческое всегда достойно познания. Но изучение особенного непременно устанавливает связь с более широким контекстом. Локальная история соотносится с историей страны; биография — с каким-то более масштабным событием в жизни государства и церкви, с какой-либо эпохой национальной или общей истории. Но все эти эпохи сами... являются частью того великого целого, которое мы называем *универсальной историей*. Чем шире горизонт исследования, тем, соответственно выше его ценность. Конечной целью, все еще недостигнутой, остается постижение и написание истории человечества»¹⁹.*

Эта цель — коллективная идентичность высшего порядка, опирающаяся на идею единой судьбы человечества и преемственности всемирно-исторического развития от эпохи к эпохе²⁰. В этом соб-

¹⁸ Грановский Т. Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории // Сочинения. Изд. 3-е. Т. 1. С. 9.

¹⁹ Ranke L., von. The Role of the Particular and the General in the Study of Universal History (A Manuscript of the 1860s) // The Theory and Practice of History: Leopold von Ranke / Ed. by Georg G. Iggers and Konrad von Moltke. Indianapolis; N.Y., 1973. P. 58.

²⁰ Примечательно, что этот пассаж из неопубликованной рукописи Ранке почти в тех же выражениях повторяет Эдуард Мейер в своей известной работе «Теоретические и методологические вопросы истории»: «...Считать единицей историю нации и из ее судеб выводить нормы исторической эволюции — совершенно ошибочно. Никакой замкнутой в себе национальной истории вообще нет: все народы, всту-

ственно и состоит классическое понимание сверхзадачи всеобщей истории, разделяемое ведущими представителями новоевропейской историографии.

Т. Н. Грановский заложил в традицию российской профессиональной историографии четко выраженную линию истолкования специфики всемирной истории как всеобъемлющей и взаимосвязанной. Вслед за Ранке с его поиском «общей связи вещей», он определял ее следующим образом:

«Всемирная история имеет дело с событиями *в их связи между собой* (курсив мой. — Л. Р.). Она есть эмпирическая история, занимающаяся всеми народами, населяющими землю...»²¹.

Т. Н. Грановского часто называют «первым российским медиевистом». Действительно, главным предметом его собственных исследований была история Западной Европы в Средние века. Однако его ученая эрудиция далеко превосходила эти хронологические и географические границы: она охватывала древнюю и новую историю Западной Европы, а также историю России, знание которой представляло необходимый ресурс для его сравнительных очерков²². Например, будучи убежден в универсальном характере исторического процесса и стремясь противодействовать официальной пропаганде незыблемости крепостнического строя, Грановский подчеркивал его исторический, преходящий характер. В своем лекционном курсе по средневековой истории в 1848/49 г. он призывал искать ключ к трудно объяснимым, «загадочным явлениям» российской истории в «великих вопросах» западноевропейской истории:

пившие между собою в продолжительное политическое и культурное единение, представляют для истории единство, до тех пор, пока связь их не нарушится ходом исторической эволюции, и, в конце концов, истории отдельных народов, государств, наций являются лишь частями единой, всеобщей истории; хотя их и можно рассматривать отдельно, но никогда нельзя изучать совершенно изолированно, без связи с целым. Основой и высшей целью исторического исследования и всякой, даже направленной на частности, исторической работы — может быть только *всеобщая история*» (Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования. Изд. 2-е, исправленное. М., 1911. С. 46).

²¹ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1961. С. 47.

²² Именно потребностью в сравнительной точке зрения, которая «может быть приобретена лишь основательным знакомством, кроме истории отечественной, с прочими частями всеобщей истории человечества», определял П. Н. Кудрявцев «известную степень зрелости сознания» (см.: Кудрявцев П. Известие о литературных трудах Грановского // Грановский Т. Н. Сочинения. Т. 1).

«Более, нежели когда-нибудь, история имеет право на внимание в настоящее время, ввиду великих вопросов, решаемых западными обществами, человеку с мыслящим умом и благородным сердцем нельзя не принимать участия в судьбе человечества, нельзя не оглянуться назад и не поискать ключа к открытию причин тех загадочных явлений, на которые мы смотрели и смотрим с удивлением»²³.

Грановский верил в то, что его эпоха открывает новую перспективу для русского народа, прежде отстраненного от общего развития европейских народов. В лекциях 1848/49 г. он говорил:

«Здесь нам, русским, открывается великое и прекрасное поле: устраненные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устраненные от этого движения, мы стоим на пороге Европы, наблюдателями [движения], и притом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит *собственно русское воззрение на историю* (курсив мой. — Л. Р.). Это впрочем не значит, чтобы мы смотрели на историю Запада с исключительной мелконациональной точки зрения; нет, мы должны наблюдать. Западный человек брошен в различные партии и потому не может быть наблюдателем той драмы, в которой сам принимает участие; он ищет в прошедшем оправдание своей мысли, и на настоящие моменты ему некогда обратить внимание. Итак, нетрудно понять, до какой степени выгоднее наше положение...»²⁴.

Понимание истории у Грановского было абсолютно лишено националистических и расистских предрассудков. В противовес гегелевскому противопоставлению «исторических» и «неисторических» народов, российский классик всеобщей истории подчеркивал, что история любого народа (включая не-европейские народы) заслуживает изучения. Каждый народ «самобытен и входит в историю как новое творение»²⁵. Развивая эту идею, он писал: «Тот не историк, кто неспособен перенести в прошедшее живого чувства любви к ближнему и узнать брата в отдаленном от нас веками иноплеменнике»²⁶. Он также утверждал, что в непрерывной преемственности всеобщей истории происходит постоянная смена ее «лидеров», то есть тех на-

²³ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья / Сост. С. А. Асиновская. М., 1987. С. 239.

²⁴ Указ. соч. С. 240–241.

²⁵ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1961. С. 47.

²⁶ Грановский Т. Н. Сочинения. 4-е изд. М., 1900. С. 29.

родов, которым их предшествующие достижения дали возможность ввести новый принцип в общую историческую жизнь. Сегодня мы, наверное, могли бы образно сравнить такой процесс с передачей исторической эстафеты. И, вместе с тем, в способности постичь этот новый принцип Т. Н. Грановский видел необходимое условие «удержания» так называемых «старых, стареющих народов» в историческом процессе. Проводя эти идеи в своих лекционных курсах, Грановский, в то же время, был далек от схематизации, присущей многим другим последователям гегелевской философии истории.

Во вводной лекции по истории историографии в сентябре 1848 г. Грановский дал пространное изложение своего понимания различия между частной (локальной или национальной) историей, с одной стороны, и универсальной, или всеобщей историей, с другой. Замечив, что концепция всеобщей истории не могла бы сложиться в отсутствие какого-либо представления о человеческой цивилизации, он обнаружил корни этой концепции в христианстве, но связал ее реализацию с современной ему философией истории. Грановский, в частности, указывал:

«Занимаясь историей народов древнего Востока, вы легко поймете, почему на Востоке не могла созреть мысль о всеобщей истории; она могла развиваться только при высшем сознании личности всего человечества (*в среде, уразумевшей свое прошедшее*²⁷)... Только на рубеже истории Востока является исторический памятник, в исследование которого надобно углубиться, — это св. Библия... Но настоящая классическая почва истории — Европа. История есть растение, растущее не на всякой почве и не при всяких условиях. Даже греческая историография, несмотря на всю ее художественность и изящность в рассказе, не сходит со степени истории национальной...; ...гордое отличие между эллином и варваром мешало развитию идеи всеобщей истории; и могли ли ее понять греки при таком отчуждении своего народа от всего человечества... Только с введением христианства могла возникнуть всеобщая история; первые слова христианства показали новый идеал истории. И. Хр. сказал удивленному древнему миру, что все люди суть сыны божии, что все они братья, что перед богом нет ни эллина, ни варвара! Итак, в христианстве лежит идея о всеобщей истории, тогда только она сделалась возможной; но между возможностью и осуществлением желаемой идеи проходят столетия. В наше время всякому историку понятна цель науки, всякий сознает ее идеал, но нет еще

²⁷ Выделено мной. — Л. Р.

произведения, где бы эта идея осуществилась, и долго еще пройдет, пока цель, высказанная Диодором Сицилийским, — *всеобщая история должна быть рассказана как история одного человека* (выделено мной. — Л. Р.) — осуществится...»²⁸.

Для Грановского «идея цивилизации вступила в область истории» в восемнадцатом столетии, но «философия 18 века была материальная, и потому ее влияние на историю имело вредное последствие», а две возникшие формы — история всемирная и *Kulturgeschichte* «не шли по должному направлению». При этом

«всемирную историю не должно смешивать с всеобщей историей. Первая, т.е. всемирная, история требует количества фактов; чем больше фактов, чем больше народов входят в ее состав, тем цель ее лучше достигнута; вторая, т.е. всеобщая, обращает главное внимание на качество фактов, и потому она не без разбора их принимает. Конечно, это воззрение на историю всемирную имело в себе что-то гуманное; оно давало равную цену истории <мелких африканских племен> и истории римлян; но нельзя не видеть в этих понятиях об истории чего-то близорукого, обличающего совершенное непонимание истории!... Направление эмпирическое, выразившееся под формой всемирной истории, *ложно в том отношении, что оно совершенно оставляет в стороне человека; оно довольствуется одними фактами и забывает развитие рода человеческого, что должно составлять сущность истории*» (выделено мной — Л. Р.)²⁹.

Всеобщая история, по Грановскому, невысказана вне человека, «в стороне» от него и представляет собой, по сути, *биографию Человечества*.

В своем кратком историографическом очерке Грановский не упомянул двух мыслителей — классиков всеобщей истории начала Нового времени, высказывавших нечуждые ему идеи. Прежде всего, это Жан Боден (1530—1596), который, постулируя необходимость рассмотрения человеческой истории как единого целого, видел предмет всеобщей истории в исследовании исторического движения человеческих сообществ, социальных групп и государств³⁰. Если обратиться к классике истории исторической мысли, какой она видится из

²⁸ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 300—302.

²⁹ Там же. С. 307—309.

³⁰ «Что касается человеческой истории, то она бывает общей и частной... Общая история описывает деяния сообществ многих людей, или народов, или целых государств» (Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 22).

дня сегодняшнего, то, пожалуй, наше внимание привлечет и сходство идеи всеобщей истории Грановского с воззрениями Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), который настаивал на внутреннем единстве, содержательной целостности и завершенности каждой из исторических эпох и резко противопоставлял свое понимание «всеобщей истории» традиционным «всемирным историям», называя последние «беспорядочной мешаниной» событий и сообщений. Бэкон мыслил всеобщую историю не как механический свод частных историй, а как их синтез на основе того общего, что характеризует движение истории в различных ареалах, того «духа», который составлял специфику определенной эпохи всеобщей истории³¹.

Грановский высоко ценил исторические воззрения других классиков — Джамбаттиста Вико (1668–1744) и Иоганна Гердера (1744–1803) и органическую концепцию общественного развития. Он считал, что сама по себе «глубоко верная и справедливая мысль» о том, что «нужно смотреть на каждое время с его точки зрения, устранив современные взгляды и предубеждения и перенесясь в положение данной эпохи», была неправильно понята и значительно искажена, «особенно, может быть в Германии». В чем же именно, по его мнению, ошибалась «большая часть историков»? При взгляде на прошедшее как на нечто «отрезанное» от настоящего, а на человека как на всецело определявшегося политическим положением, складом идей и т. д.,

«в формах определений заслоняется самая сущность, т. е. сам человек, и, таким образом, выпускаются из виду исторические деятели, люди, чьих действия постоянно изменяются вследствие перемены идей..., так что весь прогресс истории заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель бытия его яснее и определеннее. Только сказав это, можем мы достигнуть до истинного понимания истории... Нет сомнения, что последние 60 лет европейской истории более поясняют древнюю историю, нежели все исследования филологов, устранившихся от влияния современной жизни, и каждый момент современности, понятый человеком с историческим смыслом, имеет влияние на понимание древней жизни человечества, ибо история есть *нечто живое, связанное, органическое*» (выделено мной. — Л. Р.)³².

³¹ Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. М., 2002. С. 162.

³² Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 239–240.

Грановский весьма критично оценивал концепцию систематической всемирной истории Шлецера, который считал, что в одинаковых обстоятельствах люди всегда действуют одинаково³³.

Указав на определяющее позитивное влияние Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и немецкой рациональной философии в целом на исторические идеи его времени³⁴, Грановский, утверждал, что «всеобщая история должна иметь предметом развитие *духа* (выделено мной. — Л. Р.) рода человеческого». Речь, таким образом, может идти о *духовной биографии Человечества*. При этом нельзя «довольствоваться одним сухим исчислением приобретенных духа человеческого, не всегда вполне выражающих степень его развития»³⁵. И далее: «...В область истории должны входить факты, имевшие влияние на развитие рода человеческого... В наше время важными для истории фактами называют те, которые служат выражением духовного состояния человека, или его изменения, или развития, или, наконец, его косности»³⁶. «Во всеобщую историю можно внести те факты, в которых выразилось сознание, которые характеризуют духовную жизнь, духовное движение народа»³⁷. Итак, предмет всеобщей истории должен включать *развитие сознания, опыт духовной жизни человечества*³⁸.

³³ Развернутый анализ шлецеровских *Universalhistorie* (1772 г.) и *Weltgeschichte* (1785 г.) см.: Zbingen J. Heterogeneity, irony, ambivalence. The Idea of progress in the universal histories and the histories of mankind in the German Enlightenment / Storia della Storiografia. 1996. No. 29. P. 28–33. Возможно, именно отход Шлецера от идеи универсальной истории в его *Weltgeschichte*, наряду с его подверженностью влиянию «материальной философии» (Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 309), вызвал скептическое отношение Грановского.

³⁴ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 311–312.

³⁵ Указ. соч. С. 313.

³⁶ Указ. соч. С. 314.

³⁷ Там же, прим. е — е. «У истории две стороны, — утверждал Грановский, — одной является нам свободное творчество духа человеческого, в другой — независимые от него данные природою условия его деятельности» (Грановский Т. Н. Сочинения. Изд. 3-е. Т. 1. С. 22).

³⁸ Грановский привлек внимание к тому факту, что в своем развитии в течение многих тысячелетий «род человеческий» приобрел «массу истин» и «человек в каждом веке побеждает и разрушает какой-нибудь предрассудок». Примечательно замечание, сделанное Грановским в письме к Н. В. Станкевичу от 4 марта 1840 г. по поводу прочитанной им в тот день лекции о Григории VII: «Доволен собою — мне особенно хотелось показать ничтожество материальной силы при всей ее наглости в борьбе с идеями» (Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. С. 386).

Т. Н. Грановский был совершенно убежден в практическом значении истории, которая «помогает угадывать под оболочкой современных событий аналогии с прошедшим и постигать смысл современных явлений»³⁹. Эта практическая сторона научного исторического знания была ярко выражена российским классиком всеобщей истории в черновом наброске лекции на животрепещущую тему о переходных эпохах в истории человечества (лето 1849 г.). В ней Грановский, намекая на революционные события 1848 г., в частности на июньские дни в Париже, подчеркивал:

«<Русской науке, свидетельнице страшной для западного общества годины, дана скорбная возможность поверять свои еще не ясные теории мучительными опытами, которые совершают над собой западные л[атино]-герм[анские] народы>. Никогда призвание русского историка не было так важно, как в настоящую минуту. Вековые основы западных обществ поколебались; из страны, которая прежде всех других сняла с себя определения феодального государства, поднялся и долетел до нас страшный клич *saive qui reut*. Ринутым в отчаянную борьбу страстным умом старой Европы теперь не до науки. Им некогда сверять прошлое с настоящим, они предоставили это дело нам, младшим братьям европейской семьи, не причастным [к] раздору старших. Подвиг трудный, которого **результатом должно быть не одно удовлетворение ученого любопытства, а полное, имеющее определить жизнь, уразумение истории и ее законов...**»⁴⁰ (выделено мной. — Л.Р.).

Детали жизненного пути Т. Н. Грановского отражены как в многочисленных записках и воспоминаниях современников, так и в научной и научно-популярной литературе. Педагогическая и общественно-просветительская деятельность Грановского описана практически во всех посвященных его творческой биографии работах⁴¹. Но созданный самим Грановским в статье «Бартольд Георг Нибура» (1850) яркий образ столь ценимого им великого историка позволяет увидеть позитивный идеал такого рода деятельности глазами самого автора и соотносить его с тем, что нам известно из воспоминаний его учеников и коллег.

³⁹ Т. Н. Грановский и его переписка. С. 313.

⁴⁰ Указ. соч. С. 315–316.

⁴¹ См., например: *Каменский З. А.* Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988; *Левандовский А. А.* Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990; и др.

«При чтении своих лекций, — писал Грановский, — Нибура не довольствовался передачей одних результатов. Он вводил своих слушателей во все подробности трудного, глубокомысленного исследования. Восстановление Римской истории совершалось перед их глазами, можно сказать, при их содействии. Ученая и мыслящая аудитория в свою очередь благотворно действовала на преподавателя. Он доверчиво подвергал ее приговору участь своих смелых предположений. Между ним и ею образовалась живая связь обоюдного влияния, постоянный, богатый результатами обмен идей. Каждая лекция входила новым и важным фактом в историю науки»⁴².

В своем отклике на изданные в 1847–1851 гг. лекции Нибура Грановский, конечно, не предвидя почти полного повторения ситуации в судьбе своего собственного творческого наследия, писал, поражая точностью суждений:

«Разобрать по частям творение, изданное так долго после смерти великого историка, указывая на ощутительные недосмотры и даже ошибки — дело бесполезное и притом нетрудное. Почти целая четверть века прошла с того времени, когда лекции были записаны слушателями Нибура. С тех пор многое изменилось в науке, по крайней мере относительно частных; нередко сам преподаватель увлекался своею творческою фантазией, т. е. избытком того качества, без которого невозможен великий историк. Мы не скрывали этих увлечений. Не все приговоры Нибура справедливы, не все мнения его верны. Но можно смело сказать, что ни одна из его несправедливостей или погрешностей не исходит из незнания или недобросовестности. Он владел всем материалом науки и распоряжался им честно. В самых ошибках его есть нечто глубоко поучительное для всякого мыслящего писателя»⁴³.

* * *

Влияние Грановского на все последующее развитие российской историографии всеобщей истории, основы которой он заложил, в XIX — начале XX в. никогда не оспаривалось. Более того, он был возведен в ранг классика уже в середине XIX в., практически сразу же после ухода из жизни. Несколько позднее, завершая свой биографи-

⁴² *Грановский Т. Н.* Сочинения. Изд. 3-е. Т. 2. С. 36–37.

⁴³ *Грановский Т. Н.* Чтения Нибура о древней истории (1853–1856) // *Грановский Т. Н.* Сочинения. Изд. 3-е. Т. 2. С. 118.

ческий очерк, посвященный Грановскому, А. В. Станкевич писал: «Пятнадцать лет занимал Грановский кафедру всеобщей истории в Московском университете. Несколько поколений испытали влияние его учения. Между учениками и слушателями Грановского образовались люди, имена которых приобрели известность на поприще русской науки...»⁴⁴. Это были, в том числе, преемники Грановского по кафедре всеобщей истории П. Н. Кудрявцев (1816–1858) и С. В. Ешевский (1829–1865), а также С. М. Соловьев (1820–1879), Б. Н. Чичерин (1828–1904) и многие другие. Грановский

«своей деятельностью на кафедре положил начало серьезному изучению всеобщей истории в России... В России и до Грановского были ученые и более или менее даровитые преподаватели всеобщей истории, но никто из предшественников Грановского на кафедрах истории в России не обладал таким живым и цельным взглядом на науку, таким *органическим пониманием истории* (здесь и ниже курсив мой. — Л. Р.), таким талантом разгадывать смысл ее явлений и *представлять их в связи, в целом*, какими обладал Грановский...»⁴⁵.

Изучение всеобщей истории в России было достойно продолжено и существенно продвинуто вперед самым выдающимся учеником Грановского Владимиром Ивановичем Герье (1837–1919)⁴⁶, а также учениками последнего и крупнейшими учеными русской исторической школы пореформенного периода (Н. И. Кареевым, М. М. Ковалевским, И. В. Лучицким, П. Г. Виноградовым, М. С. Корелиным, С. Ф. Фортунатовым, Р. Ю. Виппером и др.), составившими золотой фонд отечественной историографической классики.

⁴⁴ Станкевич А. Тимофей Николаевич Грановский. (Биографический очерк). М., 1869. С. 302.

⁴⁵ Указ. соч. С. 303–304.

⁴⁶ Герье успел прослушать только несколько вступительных лекций Грановского, но всегда считал себя его учеником (см.: Герье В. И. Тимофей Николаевич Грановский: В память столетнего юбилея его рождения. М., 1914). Свою фундаментальную монографию о Лейбнице он предварил посвящением «Памяти Тимофея Николаевича Грановского», в котором счел необходимым этот шаг «оправдать», пояснив: «Я пользовался слишком короткое время преподаванием Грановского, чтобы иметь право причислять себя к его ученикам. Но такие люди, как Грановский, приобретают учеников не одним только преподаванием... Влияние людей, служивших всю жизнь идее, не прекращается с их смертью. Деятельность их становится преданием, память о них — нравственной силой...» (Герье В. И. Лейбниц и его век. М., 1868. С. 1).

В. И. Герье, как и Т. Н. Грановский, подчеркивал, что всеобщая история имеет для русских особое значение, поскольку представители западных стран не в состоянии отделить универсальную историю от своей национальной, в то время как для русского всеобщая история — это история человеческой цивилизации⁴⁷. Характеризуя научный метод другого своего учителя С. М. Соловьева, Герье писал:

«Историческое направление выразилось у Соловьева не в одном органическом понимании Русской истории, не в том только, что жизнь Русского народа представляется им как единый, из себя развивающийся своей внутренней жизненной силой организм; жизнь этого народа тесно связана с жизнью других европейских народов. Судьба русского народа только часть другого великого организма, также единого и живущего общию жизнью своих частей — Европы, цивилизованного человечества. Сознание этой связи никогда не покидало С. М. Соловьева в его исторических трудах. Чтоб поддерживать его в себе, он посвящал столько дорогого для него времени изучению литературы всеобщей истории; сознание этой связи побуждало его делать свои наблюдения над исторической жизнью народов. Таким способом он развил в себе ту широту и цельность взгляда, которые довершают научный характер его истории России...»⁴⁸.

Стремясь охватить «всю совокупность истории человечества, ее ход и ее цель»⁴⁹, не упуская из вида ее «самое конкретное явление» — отдельного человека⁵⁰ (и реализуя это стремление в своих многочисленных лекционных курсах практически по всем периодам всеобщей истории), настойчиво подчеркивая роль в истории субъективного элемента⁵¹, В. И. Герье, пожалуй, еще больше акцентировал нрав-

⁴⁷ В интерпретации В. И. Герье, историческая жизнь человечества «проявляется одновременно в нескольких областях: в культуре, к которой относятся наука и искусство, в политических учреждениях и в религиозных верованиях» (Герье В. И. Лекции по новой истории (Реформация), читанные в 1894–95 акад. году. М., 1894–95. С. 3).

⁴⁸ Герье В. И. Сергей Михайлович Соловьев. СПб., 1880. С. 25–26.

⁴⁹ Герье В. И. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915. С. 1.

⁵⁰ Герье В. И. О. Конт и его значение в исторической науке // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. III (43). С. 460.

⁵¹ «...Субъективный элемент будет всегда играть в ней [истории. — Л. Р.] важную роль, и при том не только тот, который вносится личностью историка, но тот, который обуславливается уровнем образования, нравственным состоянием, *складом ума целой эпохи*» (курсив мой. — Л. Р.) (Герье В. И. Очерк развития исторической науки // Русский Вестник. 1865. № 10. С. 451).

ственные начала и воспитательный потенциал истории, которую он приравнивал к «*всенародной школе*»⁵². В знании всемирной истории В. И. Герье видел необходимый элемент современной культуры и повторял вслед за Якобом Буркхардтом, которого считал «самым глубоким из историков ныне уже сошедшего со сцены поколения», его «увещание» о том, что «на образованном человеке лежит специальная обязанность воссоздать в себе возможно полную картину *непрерывного* мирового развития (der Continuität der Weltentwicklung); — в этом будет заключаться его отличие, как сознательного существа от бессознательного варвара»⁵³. С нескрываемым восхищением он цитировал и «золотые слова, которыми Грановский формулировал свой взгляд на историю и на самого себя, как историка и профессора»:

«Современный нам историк еще не может отказаться от законной потребности нравственного влияния на своих читателей... Даже в настоящем, далеко не совершенном виде своем, всеобщая история, более чем всякая другая наука, развивает в нас верное чувство действительности и ту благородную терпимость, без которой нет истинной оценки людей»⁵⁴.

Герье отстаивал приоритет гуманистического начала в творчестве российских «всеобщников» середины XIX столетия. Он писал о Грановском и других «западниках» 1830—1850-х годов:

«Это были *русские гуманисты*. Нет основания приурочивать этот термин исключительно к эпохе ренессанса... Обогащенный, облагороженный новыми идеями XIX века гуманизм — продукт европейской общечеловеческой цивилизации — вот что пытались провести в наше общество русские гуманисты, так называемые западники сороковых годов! Не замену национального западным ставили они себе целью, а воспитание Русского общества на европейской универсальной культуре, чтобы поднять национальное развитие на степень общечеловеческого, дать ему мировое значение... К этому направлению, к западникам, к русским гуманистам, примкнул и Соловьев. Его привлекал к ним прежде всего его научный интерес, а затем сознание, что научное их направление есть вместе с тем и наиболее национальное... Бессмертная заслуга Соловьева заключается

⁵² Герье В. И. Философия истории от Августина до Гегеля. С. II.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Цит. по: Герье В. И. Тимофей Николаевич Грановский... С. 72—73. Грановский продолжал: «Она [всеобщая история. — Л. Р.] показывает различие, существующее между вечными, безусловными началами нравственности и ограниченным пониманием этих начал в данный период времени...» (Грановский Т. Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории // Сочинения. Изд. 3-е. Т. 1. С. 26).

в том, что он внес это гуманное, культурное начало в Русскую историю и вместе с тем поставил разработку ее на строго научную почву»⁵⁵.

Несмотря на прошедшие более полутора столетий многие оригинальные положения концепции всеобщей истории Т. Н. Грановского вызывают отнюдь не антикварный интерес, приобретая в современном интеллектуальном контексте особое звучание. В бурном для истории Европы 1848 г. Грановский писал:

«Несмотря на блестящие успехи, совершенные в течение нашего столетия историческими науками, никогда, быть может, практическая польза изучения истории не подвергалась таким сомнениям, как в настоящее время... Быстрая смена событий, число явлений, так неожиданно и резко изменивших характер европейских обществ, ввели в раздумье много мыслящих и положительных людей. Неразрешимой и грозно задачей стал перед ними вопрос о связи прошедшего с настоящим в эпоху ожесточенных нападков на историческое предание. Исполненные доверия к опытам собственной жизни, они усомнились в возможности извлечь пользу из вековых опытов целого человечества... А между тем весьма немногие события отмечены характером совершенно новых, небывалых явлений; для большей части существуют поучительные исторические аналогии. В способности схватывать эти аналогии, не останавливаясь на одном формальном сходстве, в умении узнавать под изменчивой оболочкой текущих происшествий сглаженные черты прошедшего, по нашему мнению, высший признак живого исторического чувства, которое в свою очередь есть высший плод науки»⁵⁶.

Важно также отметить, что классическое наследие Т. Н. Грановского дважды актуализировалось именно в переломные эпохи жизни общества и в критические периоды развития исторического знания на рубежах XIX—XX и XX—XXI столетий.

«В последнее время имя Грановского вновь привлекает к себе общее внимание. О нем читают лекции, пишут статьи; выходят даже целые книги, посвященные разбору его характера, деятельности и общественного значения. На днях изданное собрание его писем пришлось как нельзя более кстати этому пробуждению сочувствия, которое составляет отрадное явление на унылом поле русской литературы. Оно свидетельствует о некотором повороте общественной мысли, о стремлении выйти из господствующих в ней односторонних и крайних направлений, из мутно-

⁵⁵ Герье В. И. Сергей Михайлович Соловьев. С. 12—14.

⁵⁶ Грановский Т. Н. Сочинения. Изд. 3-е. Т. 2. С. 267—268.

го потока реалистической пропаганды, из необоснованных утверждений экономического материализма, а с другой стороны, из пошлого реакционного подобострастия, которое под знаменем патриотизма возводит в идеал древнерусское холопство. Светлый образ Грановского, чуждого всякой односторонности, сумевшего соединять живое сочувствие к Западу и к его жизни с пламенной любовью к России и ясным сознанием ее потребностей, представляет гармоническое сочетание лучших сторон русской мысли и русского характера...»⁵⁷.

Эта столь актуально звучащая цитата принадлежит любимому ученику Т. Н. Грановского Б. Н. Чичерину и взята из его работы «Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского», написанной и опубликованной в далеком 1897 г., более века назад и почти через столетия после кончины Учителя. Прав оказался П. Н. Кудрявцев, подчеркнув в своем Предисловии к изданию сочинений Т. Н. Грановского (1856 г.), что «у Грановского долго не перестанут учиться живому пониманию науки...»⁵⁸.

* * *

Со второй половины XIX в. интенсивное развитие исследований по истории Западной Европы в Средние века и Новое время происходило в контексте бурных пореформенных споров и активной научной, публицистической и педагогической деятельности учеников Герье — ведущих ученых либеральной политической ориентации. Историки русской исторической школы, чье формирование прошло под влиянием позитивизма, считали Россию неотъемлемой частью европейской цивилизации, а их исторические штудии стимулировались современными общественными дискуссиями вокруг перспектив российской модернизации и попыток найти решение насущных российских проблем через постижение европейского исторического опыта.

Хорошо известно, что в советский период общественно-политические взгляды представителей русской исторической школы нередко получали тенденциозные оценки. Например, не раз говорилось о том, что они мечтали автоматически перенести все явления запад-

⁵⁷ Чичерин Б. Н. Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Вопросы философии и психологии. Кн. 1 (36). 1897. С. 1.

⁵⁸ Кудрявцев П. Известие о литературных трудах Грановского. С. XVI.

ного капитализма на российскую почву, не очень заботясь о самобытности своего народа⁵⁹. А между тем это утверждение несправедливо. Классики отечественной историографии всеобщей истории — историки «русской школы», ведшие свое происхождение «от Грановского», — всегда признавали самобытность России и даже подчеркивали ее значение. Разумеется, у них сохранялось позитивистское представление о возможности сознательного и целенаправленного воздействия на общество, опираясь на известные закономерности его развития. Но они также совершенно недвусмысленно выражали свое убеждение в необходимости учитывать национальные традиции и специфику внутреннего развития, культурно-историческое наследие⁶⁰ — короче, все те характеристики, которые мы теперь назвали бы цивилизационными основаниями исторического процесса. Будучи профессионалами высочайшего класса с оригинальными философскими и историческими взглядами, российские «всеобщники», сами вскоре ставшие признанными классиками, отчетливо понимали, что простое наличие апробированных моделей перехода от старого режима к современности могло бы лишь облегчить и ускорить этот процесс, но сам механизм этого движения по пути, проложенному другими, может быть запущен только в аналогичной исторической ситуации, созданной социальными, экономическими и политическими условиями самого общества, его действительными потребностями.

Стоит заметить, например, что, признавая возможность заимствовать достижения западной цивилизации, П. Г. Виноградов исходил из обязательного учета особенностей «национального организма» России. К тому же примечательно, что в периоды реакции он выдвигал тезис о необходимости следовать по пути, проложенному западными странами, а в моменты революционных кризисов подчеркивал значение национальной исторической традиции. В своей публичной лекции 1893 г. в пользу комитета грамотности, посвященной Учителю всех российских «всеобщников» — незабвенному Т. Н. Грановскому, П. Г. Виноградов, говоря о влиянии на него Гегеля, отмечал, что Грановский

⁵⁹ См., в частности: Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1985. С. 271.

⁶⁰ См., например: Кареев Н. И. Из лекций по общей теории истории. Часть II. Историология. Теория исторического процесса. СПб., 1915. С. 266.

«видел прошедшее слишком ясно, чтобы не заметить, что оно гораздо богаче содержанием, чем допускала диалектическая схема Гегеля... Ему свойственно было — не раздавать народам и поколениям приличные им в общем строе идеи, а прислушиваться к голосу каждого, изучением и сочувствием доходить до исконных стремлений и заветных мыслей. Потребность и надежда объединения истории осталась, но достигнуть его становилось много труднее для историка, внимательного ко всякому праву, чем для деспотического философа... Гуманное чувство Грановского не допускало радикального разделения человечества на привилегированные и низшие расы... Так выяснялась для Грановского руководящая идея его занятий — идея всеобщей истории... Истинная сила Грановского заключалась в историческом синтезе, в способности сводить разрозненные и разнохарактерные факты в одно целое, указывать взаимодействие, зависимость... Грановский был именно создан для всеобщей истории. В его руках эта наука была не трудолюбивою компиляцией чужих мыслей, как у Вебера и Беккера, не беспощадным судоразбирательством, как у Шлосера, не искусственным выделением международных явлений, как у гениального Ранке, не обширным введением к современности, как она будет у Лависса и Рамбо. Любопытно, что именно русский историк проявил необыкновенное дарование в этой области — любопытно и естественно. Не будет парадоксом сказать, что *именно всеобщая история должна быть русской наукой*»⁶¹ (выделено мной — Л. Р.).

При этом главное значение всеобщей истории Виноградов видел в воспитании человека через «продумывание» и «прочувствование» последовательности развития человечества⁶².

Н. И. Кареев, в своей известной речи на торжественном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1896 г., говоря об историческом миросозерцании Т. Н. Грановского, подчеркнул, возвращаясь к этой мысли не один раз:

«Он был первый на кафедре всеобщей истории, который отрешился от взгляда на этот предмет, как на механическое соединение частных историй отдельных стран и народов, для того, чтобы возвыситься до всемирно-исторической точки зрения, до представления истории человечества, в недрах коего совершается единый по своему существу и по своей цели процесс духовного и общественного развития. Грановский же, наконец,

⁶¹ Виноградов П. Г. Т. Н. Грановский (Публичная лекция, читанная 11 февраля 1893 года в пользу комитета грамотности) // Русская мысль. Год 14-й. Книга 4. 1893. С. 52–58.

⁶² Указ. соч. С. 56.

начинает у нас ряд ученых, которые стали самостоятельно заниматься историей европейского Запада, в чем можно сказать, выразилась впервые зрелость нашей научной мысли и наше право на умственную самостоятельность в сфере всеобщей истории... В историческом миросозерцании Грановского мы имеем... дело с тогдашним русским синтезом разных направлений исторической науки Запада»⁶³.

Грановский видел во всеобщей истории

«взаимодействие, сближение отдельных наций, культурное объединение человечества... Разносторонность исторического интереса Грановского, понятная при широте его общего взгляда на жизнь и науку, стояла в полном соответствии с той универсальной точкой зрения, которую он вводил в историю»⁶⁴. «Широкое понимание исторической науки, которая имеет своим предметом жизнь человечества во всем ее разнообразии и многосторонности, составляло главную силу Грановского, как историка-мыслителя»⁶⁵.

Чтобы до конца представить всю широту понимания предмета исторической науки в традиции всеобщей истории, заложенной Грановским, необходимо не упустить из виду, что комплекс идеалов и ценностей, на базе которого выстраивалась картина всемирно-исторического развития, был насквозь гуманистичен. Российские «всеобщники» настойчиво подчеркивали не только разнообразие и многосторонность *жизни человечества*, разных поколений, изведавших «и радость жизни, и бремя труда, и муку смерти, и надежду бессмертия»⁶⁶, но и роль личности, индивидуального начала в истории, и в качестве ее творца, и как субъекта исторического познания. Что же мог в этой парадигме взять историк «за центр, около которого должны группироваться все элементы культуры? Это нечто есть человеческая личность, ибо все в истории существует через человека, в ней и для нее»⁶⁷.

Весьма репрезентативным в отношении особенностей сложившейся в российской историографии XIX в. интеллектуальной традиции представляется развернутое и очень точное рассуждение

⁶³ Кареев Н. Историческое миросозерцание Грановского. Речь на торжественном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1896 г. СПб., 1896. С. 2, 4.

⁶⁴ Указ. соч. С. 67–69.

⁶⁵ Указ. соч. С. 24.

⁶⁶ Виноградов П. Г. Т. Н. Грановский... С. 56.

⁶⁷ Кареев Н. Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. I. С. 285.

Н. И. Кареева о задачах, особенностях и вариантах композиции всеобщей истории в его Предисловии к первому изданию (1893 г.) «Введения в историю XIX века». Автор подчеркивает, что в данной книге ему хотелось

«представить историю Западной Европы в новое время, как нечто единое, цельное и общее, не разделенное на истории отдельных народов и обособленных одна от другой эпох, *как то именно общее, что из истории многих народов делает одну историю* (выделено мной. — Л. Р.) и связывает частные эпохи в целый большой отдел всемирной истории... История подобна большой картине с множеством фигур в очень сложной комбинации. Об этой картине вы сможете дать понятие, сняв с нее, по возможности, точную, хотя и уменьшенную копию, с теми же красками, как и в оригинале; можете дать понятие также и в гравюре без красок, но с отделкой деталей, и в рисунке с менее тщательной обработкой подробностей, и в беглом эскизе; можете, наконец, дать о картине понятие, рассказав о ее содержании без пояснительного даже чертежа, который воспроизводил бы действительное размещение фигур; настоящая книжка и есть такой рассказ, передающий только общий смысл такой картины, а сама она совсем и не срисовывается. Кто хочет видеть именно ее самое, тот в этом очерке ничего не найдет, но зато, быть может, настоящая книжка окажет помощь желающему ориентироваться в сложной композиции и пестрой в окраске картине, уже ему известной по тем или иным копиям»⁶⁸.

Не случайно, что одна из лучших практических разработок «русской» идеи всеобщей истории — серия учебников для школ, написанная Н. И. Кареевым по всем частям и периодам мировой истории. Главная черта этих текстов — интегральная презентация исторического процесса.

* * *

В советский период, в условиях абсолютного господства марксистской интерпретации истории понятие «всеобщая история» не проблематизировалось и все более и более сводилось к техническому термину. Конечно, в своих размышлениях о смысле истории, об общей истории человечества и ее проявлениях в истории разных стран

⁶⁸ Кареев Н. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300 — 1800). Введение в историю XIX века. (Основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV — XVIII веков. Изд. 2-е. СПб., 1902. С. IX—XI.

и народов, ученые обращались к представлениям о «всеобщей истории», унаследованным от немецкой классической философии и национальной исторической традиции⁶⁹, но чаще всего это понятие просто служило для обозначения «истории зарубежных стран» в противопоставлении другой дисциплине — отечественной истории. Это значение постоянно воспроизводилось в номенклатуре профессиональных специализаций историков, в заглавиях лекционных курсов, исследовательских публикаций и учебников, в названиях университетских кафедр и академических институтов. В 1968 г. в точном соответствии с этим значением термина (хотя и по иным мотивам) Институт истории АН СССР был разделен на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории.

Тем, кто хорошо знаком с длительной эпопеей реформ в России, не удивительно, что двумя периодами, когда история как таковая и сопоставление универсальной (всеобщей) и национальной истории значили так много в постижении жгучих социально-политических проблем, были, во-первых, пореформенный период (с 1860-х годов до начала XX в.) и, во-вторых, постсоветский период.

Открывшиеся в 1990-е годы для российских историков широкие перспективы и возможности профессионального приобщения к мировой историографии и теоретической мысли в сфере социогуманитарного знания совпали по времени с новым критическим поворотом в их истории, потребовавшим глубокой переоценки всего интеллектуального багажа, обновления или же перенастройки методологического инструментария. Этот процесс привел к отказу от создания масштабных исторических полотен, к доминированию малых форм «частных историй». Однако при этом в историко-историографических исследованиях интерес к отечественной классике всеобщей истории неизмеримо возрос, возможно, как отражение потребности в профессиональной компенсации.

Между тем в мировой историографии в условиях предельной фрагментации исторического знания возникла острая потребность в мас-

⁶⁹ «История человечества — не какой-то безликий процесс; она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время как часто смысл исторических событий, составляющих, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества» (Конрад Н. И. О смысле истории // Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972. С. 454).

штабном взгляде на историю, способном охватить историю человечества как единого целого⁷⁰. В ходе осмысления последствий глобализации формировались новые макроисторические подходы, опирающиеся на представление о когерентности мирового исторического процесса и ориентированные на изучение многообразных последствий развития глобальных взаимосвязей. В последние годы заметно выросло число ученых, разрабатывающих модели *транснациональной* и *глобальной* истории, и соответственно пополнился корпус исследований, преодолевающих ограниченные горизонты историй отдельных национальных государств. Создаются новые учебные программы, возникают специальные периодические издания (в том числе и электронные), постепенно формируется международное научное сообщество, в рамках которого ведутся оживленные дискуссии, стимулирующие развитие нового направления⁷¹.

Становление глобальной/транснациональной истории в ее современном варианте опирается на общие процессы в интеллектуальной сфере, связанные с постнеклассической научной парадигмой (ее иногда определяют как «неоклассическую»⁷²), и отражает развитие мыслительной традиции, в которой принцип целостности сочетается с учетом различий и многообразия. Постнеклассическая ситуация в современном естествознании стимулировала, в частности, появление новой концепции универсальной истории человечества⁷³. Однако эта теория, ориентированная на преодоление барьеров между гуманитарным и естественнонаучным знанием, отнюдь не исчерпывает номенклатуру современных версий макроисторического анализа и — более того — не занимает среди них центрального места. Преобладают гораздо менее амбициозные варианты «глобальной», «мировой», «межнациональной» истории, причем сами эти термины, как

⁷⁰ См., например: *Globalisation in World History* / Ed. by Anthony G. Hopkins. L., 2002; *Rethinking American History in a Global Age* / Ed. by P. Bender. Berkeley, 2002; *Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914* / Hg. S. Conrad, J. Osterhammel. Göttingen, 2004; etc.

⁷¹ Подробно об этом см.: *Репина Л. П. Историческая наука и современное общество // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 3–19.*

⁷² См.: *Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005.*

⁷³ «Большая история» призвана выявлять закономерности в масштабе трех уровней — человечества, планеты и вселенной. См., в частности: *Christian, David. 'Maps of Time': An Introduction to 'Big History'. Berkeley, 2004.*

и аналитический багаж «новой всемирной» и «новой глобальной» истории (то противопоставляемых друг другу, то воспринимаемых в тандеме), вызывают бурные споры⁷⁴. При этом термин «глобальная история» более популярен среди философов и социологов⁷⁵, в то время как большинство историков отдает предпочтение понятиям «всеобщей» или «всемирной» истории, постоянно апеллируя к раскрывающей свои новые смыслы нестареющей классике.

Возглавлявший дискуссию о перспективах глобальной истории на XIX Международном конгрессе исторических наук (Осло, Норвегия, 2000) известный британский историк Патрик О'Брайен в своем вступительном докладе утверждал, что в последней трети прошедшего столетия глобальная, всемирная или универсальная история возродилась и даже стала модной, вновь заняв достойное место в историографии на рубеже столетий⁷⁶. При этом он обращался не к перспективам междисциплинарной кооперации, а именно к фунда-

⁷⁴ См., в частности: *Kossock, Manfred. From Universal to Global History // Conceptualizing Global History* / Ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder, 1993. P. 93–112; *Geyer M., Bright Ch. World History in a Global Age // American Historical Review*. 1995. Vol. 100. № 4. P. 1034–1060; *Bentley J. H. The New World History // A Companion to Western Historical Thought* / Ed. by L. Kramer, S. Maza. Oxford, 2002. P. 393–416; *Between National Histories and Global History* / Ed. by S. Tønneson et al. Helsingfors, 1997; *Mazlish, Bruce. Comparing Global History to World History // Journal of Interdisciplinary History*. 1998. Vol. 28. № 3. P. 385–396; *Internationale Geschichte. Themen – Ergebnisse – Aussichten* / Hg. W. Loth, J. Osterhammel. München, 2000; *Across Cultural Borders. Historiography in a Global Perspective* / Eds. E. Fuchs, B. Stuchtey. Lanham, 2002; *Writing World History 1800–2000* / Eds. E. Fuchs, B. Stuchtey. Oxford; N. Y., 2003; *Manning, Patrick. Navigating World History. Historians Create a Global Past*. N. Y., 2003; *World Civilizations: The Global Experience* / Eds. Peter N. Stearns et al. 2 vol. N. Y., 2000–2003; *Stearns, Peter N. Western Civilization and World History*. N.Y. — L., 2003; *Traditions and Encounters. A Global Perspective on the Past* / Eds. J. Bentley, H. F. Ziegler. Boston, 2003; *Osterhammel J., Petersson N. P. Geschichte der Globalisierung. Dimensionen, Prozesse, Epochen*. München, 2003; *Bayly C. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*. Malden (Mass.); Oxford, 2004; *Palgrave Advances in World Histories* / Ed. by M. Hughes-Warrington. Basingstoke, 2005; *Hughes-Warrington, Marnie. World History and World Histories // World History Connected*. 2006. Vol. 3. № 3 (<http://worldhistoryconnected.press.uiuc.edu/3.3.html>); *O'Brien, Patrick K. Historical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History // Journal of Global History*. 2006. Vol. 1. № 1. P. 3–39; *Sachsenmaier, Dominic. World History as Ecumenical History? // Journal of World History*. 2007. Vol. 18. № 4. P. 465–490; etc.

⁷⁵ См.: *Ионов И. Н. Основные направления и методология глобальной истории // Новая и Новейшая история*. 2003. № 1. С. 18–29.

⁷⁶ *Perspectives on Global History: Concepts and Methodology // 19th International Congress of Historical Sciences, 6–13 August, 2000/ Proceedings Acts: Reports, Abstracts and Round Table Introductions*. Oslo, 2000. P. 3.

ментальным традициям дисциплинарной истории. Интересно, что в поисках глубоких «корней» глобальной истории, выстраивая ее буквально классическую генеалогию, он дошел до Геродота, перечислил последующих протагонистов «экуменических программ» всеобщей истории, включая Вико, Вольтера и даже Ранке, а затем сосредоточился на методологических проблемах сравнительного анализа, с которыми сталкиваются современные «глобальные историки», не оставшиеся индифферентными к постмодернистской эпистемологии, но взыскующие нового синтезирующего инструментария.

Современная идея глобальности резко раздвинула и наши исторические горизонты, вновь востребовав казалось бы давно устаревшую «всемирно-историческую точку зрения», столь характерную для западных мыслителей эпохи Просвещения и для «золотого века» российской науки всеобщей истории, представители которой видели исторический процесс как движение «в объединительном направлении», как «постепенное объединение судеб отдельных стран и народов»⁷⁷. Речь, конечно, не идет о новой универсальной теории исторического процесса, о воспроизведении модели универсальной истории, порожденной идеалами Просвещения, с ее идеологией освобождения и последовательного прогресса. Современное понимание глобальной истории вовсе не исключает, а — напротив — подразумевает наличие множества локальных вариантов и траекторий развития и далеко ушло от линейных и европоцентристских в своей основе обобщающих схем в духе христианского универсализма и классических модернизационных теорий.

Сторонники новых макроисторических подходов имеют разные точки зрения по многим методологическим и другим вопросам, включая периодизацию мировой истории, баланс между западными и незападными обществами в разные периоды истории, соотношение между глобальной и региональными или национальными историями, но сходятся в понимании насущной необходимости особой формы истории для исследования глобальных процессов в их исторической ретроспективе. Глобальная история представляет собой попытку на новом теоретическом уровне вернуться от микроисторической оптики к масштабному, интегрирующему взгляду на историю, охва-

⁷⁷ См.: Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. СПб., 1903. (Очерк первый: «Всемирно-историческая точка зрения. Постепенное объединение судеб отдельных стран и народов».)

тить человечество как некую структуру в историческом развитии взаимосвязей ее отдельных частей. Глобальная история может быть понята и как осмысление процесса мировой интеграции, исторического движения к более взаимосвязанному мировому порядку, как живое взаимодействие локальных и национальных культур. Предмет глобальной истории — это именно взаимосвязи, экономические, политические и культурные, между различными странами и цивилизациями.

В этой связи нельзя не заметить, как удивительно перекликается (а в ряде моментов просто совпадает) аргументация современных пропагандистов глобальной истории с тем, что выдающийся российский ученый Н. И. Кареев (ученик В. И. Герье), констатировавший «постепенное объединение судеб отдельных стран и народов», более века назад описывал как «всемирно-историческую точку зрения»:

«Всемирная история не есть только сумма частных историй, т.е. историй отдельных стран и народов. Смотреть на историю человечества таким образом мы имели бы право только в том случае, если бы жизнь каждой страны, каждого народа протекала совершенно обособленно, вне какой бы то ни было связи с историей других стран, других народов. Всякому известно, что в настоящее время нет ни одного почти уголка заселенной земли, который так или иначе, в той или другой мере не испытывал бы на себе влияния со стороны того, что происходит в других местах, и что сближение между наиболее отдаленными одна от другой странами, один от другого народами делается все более и более тесным... С этой точки зрения всемирная история и является перед нами как процесс постепенного установления политических, экономических и культурных взаимоотношений между населением отдельных стран, т.е. процесс постепенного объединения человечества, расширения и углубления связей, мало-помалу образующихся между разными странами и народами. В этом процессе каждая отдельная часть человечества, им захватываемая, все более и более начинает жить двойною жизнью, т.е. жизнью своею собственной, местною и особою, и жизнью общею, универсальною, состоящею, с одной стороны, в том или ином участии в делах других народов, а с другой — в испытывании разнородных влияний, идущих от этих других народов. То, что касается только самого народа, есть, так сказать, его частное достояние, и всемирная история человечества, конечно, есть прежде всего сумма таких частных историй, но она получает право на наименование всемирной истории лишь постольку, поскольку судьбы отдельных народов переплетаются между собою, один народ оказывает на другой то или

иное влияние, между народами устанавливается известная историческая преемственность, и таким образом *над суммой частных историй* (курсив мой. — Л. Р.) возникает общая, универсальная, всемирная»⁷⁸.

В этом пассаже, пожалуй, только выделенная курсивом фраза с предлогом «над», отводящая всемирную историю на более высокий «этаж» исторического описания, несколько диссонирует с современным представлением о специфике перспективы мировой истории.

Не удивительно, что сегодня многие специалисты считают, что не следует противопоставлять друг другу синонимичные, по сути дела, термины «мировая» и «глобальная» история, и в конструировании «генеалогии» рождающейся глобальной истории обращаются к имеющейся в историографии традиции и длинной череде авторитетов, включая и непосредственных предшественников. В этом плане весьма интересен представленный Юргеном Остерхаммелом анализ «космополитической перспективы» сравнительной истории цивилизаций XVIII в., утраченной в западноевропейской профессиональной историографии XIX столетия — века европоцентристских национально-государственных и имперских («колониалистских», или «ориенталистских») историй⁷⁹. Заметим, при этом, что в российской историографии именно во второй половине XIX в. всеобщая (универсальная) история переживала свой расцвет.

Приходится признать, что сегодня глобальная история часто остается всего лишь теоретическим предприятием или, в лучшем случае, моделью для геополитических проектов. Те же тенденции начали проявляться и в российской историографии. И старомодный термин «всеобщая» («универсальная») история, похоже, теряет все свои значения, включая и то, которое используется для того, чтобы обозначить историю всех народов и стран за пределами России. Есть, однако, определенные основания полагать, что масштабный проект под амбициозным названием «Россия в контексте мировой истории»

⁷⁸ Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. СПб., 1903. С. 5–7.

⁷⁹ См.: Osterhammel J. Geschichtswissenschaft Jenseits des Nationalstaats: Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen, 2001. См. также: Muhlack, Ulrich. Universal History and National History. Eighteenth- and Nineteenth-Century German Historians and the Scholarly Community // British and German Historiography, 1750–1950: Traditions, Perceptions, and Transfers / Ed. by B. Stuchtey, P. Wende. Oxford, 2000. P. 25–48.

представляет некую реинкарнацию вековой интеллектуальной традиции с ее акцентом на единство истории человечества.

Закончить хотелось бы словами Т. Н. Грановского из краткого введения к его работе «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году»:

«История по самому содержанию своему должна более других наук принимать в себя современные идеи. Мы не можем смотреть на прошедшее иначе, как с точки зрения настоящего. В судьбе отцов мы ищем преимущественно объяснения собственной. Каждое поколение приступает к истории со своими вопросами; в разнообразии исторических школ и направлений высказываются задушевные мысли и заботы века»⁸⁰.

Это относится и к тем, кто занимается историей нашей науки, кто в свете современных идей ищет в интеллектуальном наследии классика отечественной историографии Т. Н. Грановского и в судьбе основанной им российской традиции всеобщей истории ответы на вопросы, которые задает нам текущая историческая и историографическая ситуация рубежа тысячелетий.

⁸⁰ Грановский Т. Н. Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году // Грановский Т. Н. Сочинения. 3-е изд. Т. 2. С. 211.

**Препринты ИГИТИ
Государственного университета —
Высшей школы экономики**

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. Самутина Н.В. Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. Никс Н.Н. «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX — начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
9. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
10. Андреев М.Л. Формы прошлого в классической европейской литературе. Препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
11. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. Препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
12. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
13. Руткевич А.М. Психоанализ и доктрина «исторической памяти». Препринт WP6/2004/06. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
14. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

15. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. Препринт WP6/2005/01. М.: ГУ ВШЭ.

16. Капелюшников Р.И. Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации»). Препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

17. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века. Препринт WP6/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

18. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и социальные науки. Препринт WP6/2005/04. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

19. Зарецкий Ю.П. История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. Препринт WP6/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

20. Фрумкина Р.М. Культурно-историческая психология Выготского — Лурия. Препринт WP6/2006/01. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

21. Полетаев А.В. Валовой внутренний продукт Российской Федерации в сопоставлении с Соединенными Штатами, 1960—2004 гг. Препринт WP6/2006/02. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

22. Руткевич А.М. Прошлое историка. Препринт WP6/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

23. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знают ли американцы историю? Ч. 1. Препринт WP6/2006/04. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

24. Вахштайн В.С. «Неудобная классика» социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана. Препринт WP6/2006/05. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

25. Савельева И.М., Полетаев А.П. Знают ли американцы историю? Ч. 2. Препринт WP6/2006/06. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

26. Зарецкий Ю.П. Зачем писать это? (Послание римского папы турецкому султану). Препринт WP6/2006/07. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

27. Самутина Н.В. Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино. Препринт WP6/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

28. Руткевич А.М. Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции». Препринт WP6/2007/02. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

29. Юревич А.В. Психология революций. Препринт WP6/2007/03. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

30. Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы. Препринт WP6/2007/04. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

31. Самутина Н.В. «Cult Camp Classics»: специфика нормативности и стратегии зрительского восприятия в кинематографе. Препринт WP6/2008/01. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

32. Свешников А.В., Степанов Б.Е. Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиски моделей научной коммуникации. Препринт WP6/2008/02. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

33. Андреев М.Л. Никколо Макьявелли в культуре Возрождения. Препринт WP6/2008/03. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

34. Вишленкова Е.А. Визуальная антропология империи, или «увидеть русского дано не каждому». Препринт WP6/2008/04. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

35. Полетаев А.В. Присутствие и отсутствие России в мировой экономической науке. Препринт WP6/2008/05. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

36. Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. Препринт WP6/2008/06. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

37. Полетаев А.В. Общественные и гуманитарные науки в России в 1998–2007 гг.: количественные характеристики. Препринт WP6/2008/07. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

*Препринт WP6/2009/01
Серия WP6
Гуманитарные исследования*

Репина Лорина Петровна

**Идея всеобщей истории в России:
от классики к неоклассике**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Отпечатано в типографии Государственного университета –
Высшей школы экономики с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,5.
Усл. печ. л. 2,3. Заказ № . Изд. № 1101

Государственный университет – Высшая школа экономики.
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Государственного университета – Высшей школы экономики.
125319, Москва, Кочновский проезд, 3

Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73

Для заметок
